

Юзефович

Шванов

Х Р Е С Т О М А Т И Я

Рубина

Самозаука

Усаев

ТОТ **а** ЛЬН~~ЫЙ~~
ДИКТ **а** НТ **а**

Быков

Прилепин

ОТ **Б**ЫКОВА ДО **Я**ХИНОЙ

Водолазкин

Яхина

Дина Рубина

**Хрестоматия Тотального
диктанта от Быкова до Яхиной**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Рубина Д. И.

Хрестоматия Тотального диктанта от Быкова до Яхиной /
Д. И. Рубина — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099074-0

Эта хрестоматия собрала под одной обложкой авторов Тотального диктанта за последние 9 лет. Для нас важно, что проекту удаётся не только мотивировать сотни тысяч людей на повторение правил русского языка, но и знакомить их с хорошей современной русской литературой. Книга откроет для вас авторов Тотального диктанта и их тексты, написанные специально для акции, а также поможет чуть больше узнать о проекте. А продолжение обязательно следует, ведь впереди ещё много диктантов, а в российском литературном пространстве много талантливых писателей. Рассказы и эссе, написанные специально для Тотального диктанта, от таких авторов как: Борис Стругацкий, Дмитрий Быков, Захар Прилепин, Дина Рубина, Алексей Иванов, Евгений Водолазкин, Андрей Усачев, Леонид Юзефович, Гузель Яхина.

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-04-099074-0

© Рубина Д. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Тотальные задачи Тотального диктанта	6
От 150 до 200 000	6
Правила и принципы	8
Разрушители мифов	10
Диктант и наука	12
Не имей сто рублей, а имей сто друзей	14
Борис Стругацкий	16
ТД-2010. В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?	16
Еще раз о XXI веке	17
Дмитрий Быков	20
ТД-2011. Орфография как закон природы	20
Пропавшая грамота	21
Захар Прилепин	25
ТД-2012	25
Часть 1. А вам не всё равно?	25
Часть 2. Мне – не всё равно	25
Часть 3. И нам не всё равно!	26
Бабушка, осы, арбуз	27
Дина Рубина	31
ТД-2013	31
Часть 1. Евангелие от Интернета	31
Часть 2. Опасности райских кущей	31
Часть 3. Зло во благо или благо во зло?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Коллектив авторов
Хрестоматия Тотального
диктанта от Быкова до Яхиной

© Фонд «Тотальный диктант», 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Тотальные задачи Тотального диктанта *Елена Арутюнова, Владимир Пахомов*

От 150 до 200 000

Если бы еще лет пятнадцать назад кто-нибудь сказал тогдашним школьникам, что пройдут годы – и многие из них, став взрослыми людьми, в свой выходной день добровольно пойдут писать диктант по русскому языку, то над таким прорицателем дружно посмеялись бы. Возможно, он услышал бы в свой адрес много интересных слов из забористого школьного жаргона.

Но вот субботний апрельский день 2018 года – и больше 200 000 человек в России (и еще 27 000 за рубежом) решают провести его не на даче, не на диване, не в кино, а с ручкой за столом в читальном зале библиотеки, в университетской аудитории, в музее или культурном центре – там, где перед входом висит афиша акции «Тотальный диктант». К ним присоединяются 24 тысяч интернет-пользователей, которые приготовились написать диктант онлайн. Аудитории далеко не всегда могут вместить желающих, а предварительная интернет-регистрация на некоторые площадки заканчивается спустя несколько минут после открытия. Объявление автора текста диктанта, проведение самого мероприятия, подведение его итогов (а с недавнего времени – еще и выбор столицы диктанта) – все этапы охотно освещают крупнейшие СМИ, в том числе федеральные телеканалы. И вот пик народного признания: про Тотальный диктант стали сочинять анекдоты. Пожалуй, самый известный из них звучит так: *«Пишите: я, находясь в трезвом уме и здравой памяти, хочу подарить свою квартиру...»* – *«Простите, а это точно Тотальный диктант?»*

Таких успехов проект достиг за небольшой срок – всего лишь за 15 лет.

История Тотального диктанта началась в 2004 году, когда студенты Новосибирского государственного университета решили провести в вузе диктант по русскому языку для всех желающих. Был выбран отрывок из романа Льва Толстого «Война и мир», а для диктовки (или для диктанта – ведь в XIX веке это слово употреблялось в значении «диктовка» и можно было встретить сочетание *писать под диктант*) пригласили преподавателя истории, известного всему вузу. Под его *диктант* (в устаревшем значении) диктант (в современном значении) написали 150 человек. Отличников наградили призами, акцию освещала пресса – иными словами, скучную школьную процедуру студенты превратили в праздничное шоу. И спустя год диктант по отрывку из повести А. Бека «Волоколамское шоссе» писали уже 235 человек.

Настоящий расцвет Тотального диктанта начался в 2010 году, когда к НГУ присоединились другие новосибирские организации (вузы, школы, библиотеки). Тотальный диктант – 2010 прошел по всему городу, в нем приняли участие 2400 человек, в том числе чиновники, ученые, деятели культуры. Текст уже был взят не из какого-либо произведения, его специально для акции написал Борис Стругацкий. О мероприятии сообщили федеральные СМИ, и в следующем году компанию Новосибирск у составили другие города нашей страны.

С тех пор каждый год проект только обновляет рекорды. Ежегодно Тотальный диктант пишут во всё большем количестве стран и городов. 14 апреля 2018 года акция прошла в 1021

населенном пункте России и мира. Диктант покорила почти все стихии: его писали под водой и в воздухе, в горах на высоте 753 метра, на антарктических станциях и даже в космосе.

По образцу Тотального диктанта в разных регионах нашей страны теперь проходят диктанты на национальных языках. Сам формат массовой добровольной проверки знаний, зародившийся благодаря диктанту, стал в наши дни чрезвычайно популярен. Уже прошли Всероссийская контрольная по математике, Всероссийский географический диктант, Всероссийский диктант на знание законодательных основ жилищно-коммунального хозяйства, Большой этнографический диктант... С понятия «диктант» словно стерся весь тот негатив, которым оно обросло в глазах поколений школьников. Теперь это слово уже не отпугивает, а наоборот – притягивает. Да и значение его изменилось: сейчас *диктант* – это еще и массовая проверка знаний в любой научной (и не только научной!) области.

«Несмотря на грозное название *Тотальный диктант*, акция ничего общего с тоталитаризмом и диктатурой не имеет, – рассказывает Ольга Ребковец, руководитель проекта. – Диктант изначально задумывался как легкое и яркое мероприятие со своими “фишками” и “плюшками”. Это не карательная акция, а интеллектуальный флешмоб, вызов самому себе».

Правила и принципы

Как проходит Тотальный диктант? Обычно его проводят в середине апреля, но подготовка длится весь год и начинается сразу после награждения отличников предыдущего диктанта. Штаб и Экспертный совет ТД выбирают автора и получают от него предварительный вариант текста. Точнее, четырех текстов: первый будет писать Дальний Восток, второй – Сибирь, третий – европейская часть нашей страны (и большинство других стран), четвертый – жители Северной и Южной Америки. Дальше филологи-эксперты в тесном сотрудничестве с автором работают над тем, чтобы все четыре варианта были примерно равны по сложности и в них были по возможности одинаковые орфограммы и пунктограммы. Экспертный совет, который возглавляет доктор филологических наук, профессор Н. Б. Кошкарёва, составляет подробные комментарии к тексту диктанта: он разбирается буквально до знака, каждая орфограмма и пунктограмма объясняется подробно, со ссылкой на соответствующие правила. Филологи стараются предусмотреть все возможные варианты расстановки знаков препинания: ведь неизвестно, как будет читать текст каждый из сотен диктующих, а в некоторых случаях пунктуация зависит от интонации. Параллельно в крупных городах открываются курсы подготовки к Тотальному диктанту («Русский по пятницам» или «по вторникам», «по средам» и т. д.), на которых все желающие могут не только повторить основные правила правописания, но и узнать что-то новое, выходящее за рамки школьной программы. Подобный курс можно пройти и онлайн, на сайте Тотального диктанта www.totaldict.ru.

Наконец комментарии к тексту готовы, инструкции организаторам разосланы, курсы проведены, наступает долгожданный апрельский день, подготовка к которому шла целый год. Субботним вечером, после проверки первых диктантов, Экспертный совет возвращается к работе над комментариями, уточняя и дополняя их. Ведь каждый раз оказывается, что пишущие, руководствуясь своим пониманием текста, обязательно предлагают новые, неожиданные варианты пунктуационного оформления, которые не были описаны в комментариях, но при этом не являются ошибочными. В финальном обсуждении комментариев могут принимать участие все филологи проекта.

Только после этого начинается основная проверка диктантов. Каждый из них надо проверить минимум два раза, а пограничные случаи (между двойкой и тройкой, между тройкой и четверкой) и пятерки – минимум три раза. И если в маленьком городке, где диктант писали 50 человек, это можно сделать в воскресенье, то в огромной Москве (где в акции в 2017 году приняли участие более 20 000 человек) на проверку работ уходят многие дни и даже ночи...

Иными словами, подготовка и проведение этого праздника русского языка сопряжены с большой работой. И у нее есть свои правила и принципы. Тотальный диктант добровольный: никто не может быть принужден к участию в нем или к работе по его организации. Он бесплатный: взимать плату за курсы подготовки к Тотальному диктанту, участие в нем, а также за последующие консультации филологов категорически запрещено. Организаторы обязаны бесплатно предоставить каждому участнику ручку и бланк, необходимые для написания диктанта. Он всеобщий: никому не может быть отказано в участии из-за возраста, пола, гражданства, национальности или уровня владения русским языком. Он анонимный: никто из участников не обязан указывать на бланке свое настоящее имя.

Организаторы строго следят за соблюдением принципа единства времени, текста, порядка проведения, критериев проверки. Тотальный диктант проходит во всем мире один раз

в год, в один и тот же день во всех городах. Все участники пишут один и тот же текст (или разные части одного и того же текста). Во всех городах мероприятие проходит по одному и тому же сценарию. Во всех городах проверочные комиссии руководствуются одними и теми же, заранее определенными, централизованно разработанными критериями при проверке и оценке работ. В каждом городе, где проводится Тотальный диктант, во главе проверочной комиссии стоит профессиональный преподаватель-филолог.

Над Тотальным диктантом работает огромная команда. Это и Штаб проекта (десять человек, живущих в разных городах, от Владивостока до Страсбурга), и Экспертный совет, объединяющий филологов из ведущих российских университетов и научных институтов (от Владивостока до Санкт-Петербурга), и городские координаторы, которые становятся послами диктанта в своем городе и прилагают все усилия, чтобы диктант прошел на высоком уровне, стал ярким событием и заинтересовал как можно больше людей. Это и филологи из сотен российских и зарубежных городов, которые ведут курсы подготовки к диктанту и проверяют работы. Это партнеры, спонсоры, консультанты и друзья диктанта. Команда Тотального диктанта – это десятки тысяч волонтеров, которых объединяет любовь к русскому языку, а главный принцип нашей работы – уважение ко всем участникам проекта, доверие и помощь друг другу.

Разрушители мифов

Сколько человек получают пятерку на Тотальном диктанте? Обычно – около двух процентов от общего числа писавших. Обыватель скажет: это доказательство вопиющей безграмотности наших соотечественников. Но такую оценку можно было бы дать, если бы Тотальный диктант по сложности был равен обычным школьным диктантам. На самом деле между диктантами школьным и Тотальным – «дистанция огромного размера».

Школьный диктант – это у прощенный, адаптированный текст, почти не допускающий вариантов ни в орфографии, ни в пунктуации. Конечно, такие упражнения способствуют отработке основных правил правописания, но вместе с тем они закладывают ложное представление о том, что в языке все строго и однозначно: каждое слово пишется только так и никак иначе, каждое предложение подразумевает строго определенную расстановку знаков препинания. На самом же деле такой «методический» русский язык к живому, настоящему русскому языку имеет мало отношения. Даже в орфографии возможны варианты (например, одинаково правильно *ёлка* и *елка*, *Боян* и *Баян*, *ЗАГС* и *загс*, *джерид* и *джирит* (копьё, ист.), *оббить* и *обить* (обобью), *интернет* и *Интернет*), а уж пунктуация, в которой многое зависит от желания автора расставить смысловые акценты и от интонации, тем более вариативна. В написанных современными российскими писателями текстах Тотального диктанта, живых, настоящих, неадаптированных, во многих случаях возможны несколько вариантов расстановки знаков препинания. Иногда их число достигает полусотни – только в рамках одного предложения! И это вовсе не следствие непрофессионализма писателя или снисходительного отношения филологов-экспертов, позволяющих пишущим разные вольности. Нет, так устроен сам язык – настоящий русский язык, а не его искусственная модель, ограниченная рамками школьной грамматики.

В школьных учебниках рассказывается не обо всех правилах правописания. Например, в школе учат, что в сложноподчиненном предложении ставится запятая между главной и придаточной частью (*Я не знаю, почему девушка не пришла на свидание*), но не упоминают, что запятая опускается, если придаточная часть усечена до одного только союзного слова (*Девушка не пришла на свидание и не объяснила почему*). Учат выделять вводные слова (*Например, в школе...*), но не рассказывают, что вводное слово не отделяется запятой от обособленного оборота, в начале которого находится (*Мы решили куда-нибудь съездить вместе, например в Прагу*).

Это абсолютно нормально, ведь школа и не должна сообщать все известные науке сведения. На уроках биологии не излагается вся информация о живом мире, известная академикам, на школьных уроках физики не готовят докторов физико-математических наук. Так же обстоят дела и с уроками русского языка: задача школы – дать базовые сведения о русском языке и правописании, а не подготовить профессиональных редакторов и корректоров. Но при этом никто из тех, кто получал пятерки по физике в школе, не считает, что знает об этой науке абсолютно всё. Отличную оценку по ИЗО никто не воспринимает как признание того, что человек может создавать полотна, достойные залов Лувра. Пятерка же по русскому языку очень многими воспринимается как показатель абсолютной грамотности, хотя на самом деле это означает всего лишь, что человек овладел теми базовыми нормами правописания, знание которых предусмотрено школьной программой.

Тотальный диктант тем самым способствует развенчанию двух распространенных мифов о русском языке – о том, что правописание не допускает вариантов, и о том, что пятерка на уроке русского языка в школе означает идеальную грамотность. И теперь посмотрим еще раз на число отличников. В диктанте уже принимают участие свыше 200 000 человек, и что говорят нам эти цифры – два процента пятерок (а четверок – намного больше)? Эти цифры свидетельствуют о том, что несколько тысяч человек написали неадаптированный текст, изобилующий пунктуационными трудностями, содержащий орфограммы и слова, которые не изучались в школе, без ошибок или с минимальным количеством ошибок. А ведь далеко не все участники диктанта – филологи, редакторы, корректоры. Так что результаты Тотального диктанта опровергают еще один миф – о тотальной безграмотности носителей русского языка.

Диктант и наука

Итак, Тотальный диктант дает возможность пишущим не только проверить свои знания, но и узнать много нового о том, как устроено русское письмо, освоить правила, не входящие в школьную программу. Это, так сказать, внешние, просветительские задачи Тотального диктанта. Но есть еще и внутренние, специальные задачи – это изучение грамотности, русского языка, его носителей как языковых личностей.

Многие убеждены, что орфография и пунктуация давно регламентированы строгими правилами, и поэтому эти системы находятся за пределами научного интереса. Здесь нечего изучать: либо правильно написал, либо неправильно – третьего не дано. Однако это не так.

В русском языке постоянно появляются новые слова, сочетания, синтаксические структуры, которые не подпадают под зафиксированные правила. И это ставит научную задачу – подчинить письменную форму новых языковых явлений принципам орфографии и пунктуации и дать рекомендации пишущим. Такие языковые новшества встречаются и в диктантах, которые пишутся современными писателями на русском языке начала XXI века. Несколько тысяч грамотных носителей русского языка – это хорошая выборка для изучения учеными практики письма, которая является важным (хоть и не единственным) критерием для определения нормы.

Правила (в основном пунктуационные) довольно часто допускают варианты постановки знаков препинания. Какие смысловые и стилистические различия скрываются за разными пунктуационными вариантами? Как художники слова – талантливые писатели, поэты, журналисты – используют стилистический потенциал пунктуации? «Считывают» ли такие смысловые и стилистические значения носители русского языка? Отвечая на эти вопросы, мы можем уточнить правила, разъяснить, в каких условиях предпочтительно использовать тот или иной знак. На этом материале можно учить «читать» знаки препинания, а значит, лучше понимать автора.

Составлению критериев оценки всегда предшествует глубокий орфографико-пунктуационный анализ текста и правил по правописанию профессиональными филологами из разных научных школ нашей страны. В ходе этой работы порой обнаруживаются некоторые проблемные зоны в уже существующей кодификации норм.

Так, в диктанте «Невский» Е. Водолазкина было предложение с определением, выраженным инфинитивным оборотом: Я... *обращал к ним беззвучную просьбу принять меня в их ряды*. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года – своеобразной конституции правописания – правил постановки знаков в таких конструкциях нет. Нет этого правила и в учебниках. Возьмем более полные своды правил – справочники Д. Э. Розенталя: «Справочник по правописанию и литературной правке» и «Современный русский язык. Пунктуация». Здесь находим следующую рекомендацию: «Обособляются и отделяются при помощи тире несогласованные определения, выраженные неопределенной формой глагола, перед которой можно без ущерба для смысла поставить слова а именно». Давайте попробуем: Я... *обращал к ним беззвучную просьбу, а именно: принять меня в их ряды*. Смысл не пострадал. Значит, нужно тире? Но у автора тире нет.

Специалистам известен еще один справочник, не переиздававшийся с 1961 года, – «Трудные случаи пунктуации». Он был написан в соавторстве Д. Э. Розенталем и К. И. Былинским. Указанная выше рекомендация в этом справочнике не единственная. Авторы добавляют: «При отсутствии паузы определение теряет определительный характер и не обособляется» – и приводят пример без тире. По этим правилам получается, что тире перед инфинитивным определением и пауза в речи – средства передачи особого смыслового оттенка – пояснительного значения и что в этой конструкции возможны варианты пунктуации. Но сейчас этот справочник малоизвестен и труднодоступен. А ориентируясь на известные, популярные, доступные даже в интернете справочники, можно было принять неправильное решение: засчитать за ошибку отсутствие тире.

Анализ существующих сводов правил, учебников, ошибок, которые были допущены в этом конкретном предложении (а здесь пишущие довольно часто ставили и запятую, и двоеточие), показывает, что нужна четкая, ясная формулировка правила в новом, доступном пользователю справочнике. Возможно, необходимо ввести такое правило и в школьную программу. В общем, есть о чем подумать и кодификаторам норм, и методистам. Тем более что каждый год они встречаются на ставшей уже традиционной конференции Тотального диктанта, которая проходит на родине диктанта – в Новосибирске (обычно в конце января – начале февраля). С каждым годом конференция собирает все больше лингвистов, преподавателей, методистов. Среди ее участников в последние годы – члены Орфографической комиссии РАН. Научная деятельность филологов и методистов, участвующих в проекте, с 2016 года находит отражение в сборнике научных трудов по материалам Тотального диктанта.

Таким образом, Тотальный диктант становится бесценным инструментом для научных исследований, которые позволят узнать много нового и о нас, и о языке, и о языке в нас.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей

Открытия ожидают и проверяющих диктант. Это в первую очередь профессиональные филологи – учителя школ, преподаватели вузов, а в больших городах, где диктант пишут сотни и тысячи человек, – их верные помощники: старшеклассники, студенты, магистранты, а также отличники Тотального диктанта прошлых лет. Перед началом проверки они получают подробные комментарии, которые внимательно изучают. Бывает, что, не видя той колоссальной работы, которая предшествует созданию комментариев, они недоумевают: почему столько вариантов пунктуации? Зачем разрешены орфографические варианты?

Но самостоятельно анализируя разрешенные варианты и правила, обсуждая эти проблемы с коллегами (а случается, что два филолога могут отстаивать как единственно верные разные варианты), в том числе на ежегодной научной конференции Тотального диктанта, сами филологи делают для себя открытия и включаются в научную работу по изучению орфографии и пунктуации.

Но это филологи. А какова же роль проверяющих-нелингвистов? Не слишком ли опрометчиво доверить им проверку диктантов? Вовсе нет. Потому что для больших городов предусмотрена специальная процедура проверки. После получения комментариев и анализа их в профессиональном кругу филологи разъясняют все тонкости проверки своим помощникам – молодежи. Первые два-три диктанта ребята проверяют «под диктовку», чтобы понять и запомнить все изгибы пунктуации и сюрпризы орфографии. Далее они начинают работать самостоятельно, но первые проверенные диктанты за ними перепроверяют профессиональные филологи. После дополнительных уточнений, разъяснений проверка идет уже быстро и качественно.

Конечно, эта работа требует от молодых людей усидчивости, внимательности, знаний. Но, что совершенно замечательно, ребята получают огромное удовлетворение от этого, казалось бы, рутинного труда.

Может быть, не стоит говорить за них? Давайте дадим им слово.

Было действительно интересно видеть такие разные работы, разные почерки, находить ошибки, которые бывают «свои» у каждого человека или, наоборот, те, которые были вызваны просто условиями или незнанием лексики. Каждый раз неожиданно и приятно наткнуться на пожелания и благодарности, оставленные автору текста, организаторам и нам, проверяющим. (Ксения Пименова, студентка Института стран Азии и Африки МГУ)

Это очень необычный способ узнать своих сограждан: вполне может быть, что я проверяла работы людей, с которыми я уже сталкивалась в метро или у которых спрашивала дорогу, а может, наоборот, рассказывала, как куда-то пройти. (Мария Кузина, студентка факультета фундаментальной и прикладной лингвистики РГГУ)

Текст Тотального диктанта разительно отличается от того, что многие привыкли видеть в школьных учебниках. Он показывает всю красоту и разнообразие русского языка. Наверное, самое интересное в проверке – это разбор неоднозначных случаев и рекомендации по их написанию. Каждый новый диктант – новое открытие: как на этот раз пишущий повернет предложение, какие знаки препинания услышит? И так радостно, когда все поставлено правильно. Ведь что бы ни говорили про современный уровень грамотности, есть люди, кото-

рые в совершенстве знают свой родной язык, и Тотальный диктант показывает это как нельзя лучше. Это мероприятие объединяет людей, любящих русский язык и умеющих слышать его музыку. Очень приятно и почетно быть его частью. (Мария Муханова, ученица гимназии № 1540 г. Москвы)

Проверка Тотального диктанта – огромный опыт для меня и своего рода маленькое путешествие по извилинам и потайным закоулкам города Русского языка. Мне необычайно нравилось смотреть на работы людей, пришедших проверить свою грамотность. Это помогло мне научиться искать и исправлять ошибки, видеть не один, а множество разных вариантов постановки знаков препинания и, в конце концов, прочувствовать красивую сложность нашего родного языка. (Ксения Тонконогова, ученица гимназии № 1540 г. Москвы)

То, что Тотальный диктант вызывает еще более бережное и уважительное отношение к языку не только у решивших проверить свои знания, но и у самих проверяющих – это неоспоримый факт. Более того, проверка диктантов оказалась увлекательным и захватывающим процессом: когда ты впервые оцениваешь объем предстоящей работы – округляются глаза, но, когда число проверенных тобою работ переваливает за пять десятков или сотню, появляется второе дыхание, и разгорается спортивный интерес! Особенно отраднo осознавать, что такое бесчисленное множество жителей нашей страны любят и ценят русский язык! (Ярослав Красников, студент филологического факультета РГГУ)

Приятно отметить то, в какой дружеской атмосфере проходила проверка диктантов – взаимопомощь и заинтересованность буквально витали в воздухе, а главное – ускорили работу, и несмотря на то, что сроки поджимали, оценки выставлялись нами точно и уверенно. (Алина Уланова, студентка филологического факультета РГГУ)

...Уникальная возможность почувствовать себя сопричастным этому лингвистическому празднику – большая радость. Это – отличный практический способ воспитания настоящих филологов и лингвистов, внимательно и с любовью относящихся к слову. (Евгения Киреева, студентка филологического факультета РГГУ)

Тотальный диктант объединил преподавателей и учеников, они стали союзниками, коллегами, что, безусловно, помогло им лучше понять друг друга. Когда ребята с горящими глазами сдавали десяток за десятком проверенные диктанты и каждый раз говорили вдохновенно «Еще!», мы смотрели на них и радовались, что обрели новых добрых друзей, что у нас такая замечательная молодежь – способная, трудолюбивая, стремящаяся к знаниям. И таких друзей у нас теперь не сотня, а сотни и тысячи!

*Члены Экспертного совета Тотального диктанта Елена Арутюнова, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, зам. главного редактора портала «Грамота.ру»;
Владимир Пахомов, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, главный редактор портала «Грамота.ру»*

Борис Стругацкий

ТД-2010. В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?

Никакого упадка нет, да и быть не может. Просто цензуру смягчили, а частию, слава богу, и вовсе упразднили, и то, что раньше мы слышали в пивных и подворотнях, сегодня услаждает наш слух, доносясь с эстрады и с телеэкранов. Мы склонны считать это наступлением бескультирья и упадком Языка, но ведь бескультирье, как и всякая разруха, не в книгах и не на театральных подмостках, оно в душах и в головах. А с последними, на мой взгляд, ничего существенного за последние годы не произошло. Разве что начальство наше, опять же слава богу, отвлеклось от идеологии и увлеклось более распиливанием бюджета. Вот языки и подраспустились, а Язык обогатился замечательными новшествами в широчайшем диапазоне – от «хеджирования портфеля ГКО с помощью фьючерсов» и до появления интернет-жаргона.

Разговоры об упадке вообще и Языка в частности – это, по сути, результат отсутствия ясных указаний сверху. Появятся соответствующие указания – и упадок прекратится как бы сам собой, тут же сменившись каким-нибудь «новым расцветом» и всеобщим суверенным «благорастворением воздушных».

Литература благополучно процветает, оставшись наконец почти без цензуры и в сени либеральных законов, касающихся книгоиздания. Читатель избалован до предела. Ежегодно появляется несколько десятков книг такого уровня значимости, что появившись любая из них на прилавках лет 25 назад, она тут же стала бы сенсацией года, а сегодня вызывает лишь снисходительно-одобрительное ворчание критики. Разговоры о пресловутом «кризисе литературы» не затихают, общественность требует немедленного появления новых булгаковых, чеховых, толстых, как водится забывая при этом, что любой классик – это обязательно «продукт времени», как хорошее вино и вообще как всё хорошее. Не надо тянуть дерево за ветки вверх: оно от этого быстрее не вырастет. Впрочем, в разговорах о кризисе ничего плохого нет: пользы от них маловато, но и вреда ведь тоже не наблюдается.

А Язык, как и прежде, живет своею собственной жизнью, медленной и непостижимой, непрерывно меняясь и при этом всегда оставаясь самим собой. С русским языком может произойти всё что угодно: перестройка, преобразование, превращение, – но только не вымирание. Он слишком велик, могуч, гибок, динамичен и непредсказуем, чтобы взять и вдруг исчезнуть. Разве что – вместе с нами.

Еще раз о XXI веке (Выступление на IV Конгрессе фантастов России «Странник»)

Общественное мнение навязало писателям-фантастам образ этаких пророков, якобы знающих будущее. С одной стороны, это меня всегда раздражало, ибо такой подход сужает реальные возможности фантастики, искажает ее суть и вдобавок как бы обязывает ее заниматься тем, на что она вовсе не способна. Но, с другой стороны, такое мнение о фантастах не лишено известных оснований, потому что вряд ли в мире есть еще люди, которые с таким удовольствием, так систематически и, главное, почти профессионально размышляют о будущем.

Я, разумеется, не знаю, какое – конкретно – будущее нас ожидает в XXI веке. По-моему, этого нельзя знать вообще. Опыт великих предшественников свидетельствует, что все попытки как-то детализировать облик грядущего выглядят *aposteriori* смехотворными, если не жалкими. Но в то же время возможны и действительно случаются поистине гениальные прорицания (трудно назвать их иначе), когда речь идет не о конкретных деталях, не о мелочах быта, не о фантастических технологиях, а о самом духе времени.

Когда Жюль Верн сконструировал свой «Наутилус», это воистину был подвиг блистательного воображения. Мы, люди XX века, знаем, что, по сути, он, сам того не подозревая, сконструировал атомный подводный крейсер. Но когда мы доходим до описания роскошных салонов с пятиметровыми потолками, античных ваз и мраморных статуй, ковров и картин, развешенных по стенам в утробе этой атомной подлодки, мы начинаем непроизвольно хихикать или даже раздражаться. И точно так же мы хихикаем, читая описания «страшных и ужасных» летающих крепостей Уэллса, этих дурацких полудирижаблей, вооруженных пулеметом (единственным пулеметом!), забывая в раздражении, что гениальный писатель угадал главное: страшную и почти решающую роль авиации в грядущих войнах.

Детали – насыщенный хлеб литературы и смертельный капкан для любого прорицания. Любому ПРЕДВЫЧИСЛЕННОМУ, рассчитанному, детализированному будущему – грош цена. Но ведь есть еще будущее ПРЕДУГАДАННОЕ, схваченное интуитивно. Вот это уже – серьезно. Это – настоящее прорицание. Я, например, не знаю прорицания более убедительного и трагического, чем гениально уловленная тем же Уэллсом идея XX века, как времени, когда новое человечество попытаются создать, пропустив его через горнило страданий. Какая неожиданная, страшная и точная догадка! Беда только в том, что вычисленное будущее выглядит (в глазах современников) всегда основательнее, чем интуитивное. Может быть, нас сбивают с толку те самые детали, которые смотрятся сегодня так убедительно и достоверно (и над которыми полвека спустя будут хихикать наши потомки).

Где-то я прочитал любопытные соображения по поводу прогнозирования погоды. Оказывается, простейшее предсказание: «завтра будет такая же погода, как сегодня», – дает правильный результат в двух третях случаев. А так называемый «точный», «научно обоснованный», тщательно просчитанный прогноз оказывается правильным в семидесяти семи (кажется) процентах случаев. Это впечатляет: гигантская всемирная сеть метеостанций, мощнейшие ЭВМ, миллиарды и миллиарды долларов – и всё это для того, чтобы увеличить достоверность прогноза на семь-восемь процентов! По-моему, нечто подобное имеет место и в социальной прогностике. Можно привлечь к вычислению будущего миллиарды долларов и все ресурсы Рэнд Корпорейшн, а можно просто тихонько предположить: в следующем веке будет то же, что и в предыдущем – те же люди, те же проблемы, те же взлеты и падения, те же рекорды высокой

морали и жестокой безнравственности, – только технологический фон, конечно, изменится и амплитуды возрастут.

На самом деле мы не способны как следует разглядеть будущее прежде всего потому, что очень посредственно знаем свое прошлое и ни черта, по сути, не знаем о настоящем. Всё знание наше о прошлом базируется на двух-трех десятках прочитанных книжек. А настоящее мы наблюдаем главным образом через дырку телеэкрана да еще, пожалуй, в трамвае в час пик. А между тем грядущий век наверняка будет очень похож на век минувший. Потому что так было, и так будет. Имейте наблюдение. Вот основные уроки XX века:

- покушение на мировое господство есть преступление и самоубийство;
- война не является больше разумным продолжением политики другими средствами, гораздо выгоднее воевать торговыми тарифами, чем бомбами;
- национализм и не думает умирать, он, оказывается, даже более живуч, чем религия...

Вопрос на засыпку: хоть один из этих уроков будет принят во внимание XXI веком? Хоть один?! Ответ очевиден. Основная теорема Клио работает безотказно: «единственный непреложный урок истории состоит в том, что она никогда, никого и ничему не учит».

А значит опять: будут войны, жестокие и бессмысленные, как и всякое государством организованное смертоубийство; будут пароксизмы отвратительнейшего национализма и совершенно иррациональной религиозной нетерпимости; будут, я думаю, даже попытки покорить мир *en grand*, особенно смертоносные и нелепые в эпоху ядерного оружия.

И, разумеется, никуда не денутся глобальные угрозы, возникшие в XX веке.

– Угроза тотальной ядерной войны, – в которую я, откровенно говоря, не верю, ибо угроза эта уже овладела умами всех политиков земного шара, и это обнадеживает.

– Угроза тотальной экологической катастрофы, – маловероятная по тем же приблизительно причинам.

– Угроза всемирной катастрофы эсхатологического плана: падение гигантского метеорита, возникновение пандемии суперСПИДа, нашествие из Космоса и пр. – всё это настолько маловероятно, что годится лишь для фантастического романа.

Наши потомки получат всё это в наследство от нас и будут жить с этим дальше так же, как жили мы. Но вот проблема энергетического голода, который может поразить нашу цивилизацию уже к середине века, если мы не задействуем, наконец, термояд, это – ново и очень серьезно. Гибелью это нам не грозит, но «прервать связь времен» может вполне – отбросить постиндустриальное общество на два-три века назад со всеми сопутствующими прелестями: отказ от демократии, растоптанная Декларация прав человека, возврат к тоталитаризму, причем в самых крайних его формах.

В остальном же, если отвлечься от названных экстремальностей, благополучно сохранится старый добрый принцип: «так было, так будет». И нет, увы, никаких оснований думать, что будет лучше.

Правда, это вовсе не означает, что будет ПЛОХО. Во всяком случае, плохо будет не всем и не всегда. Многим и зачастую будет даже хорошо – во всяком случае, дьявольски интересно. Ведь господин научно-технический прогресс останется таким же существеннейшим фактором бытия, как и в XX, и XIX веке.

Будут космические перелеты, человек высадится на Марсе и, скорее всего, начнет основательно осваивать Луну.

Геномика совершит революцию в медицине, в геронтологии и, разумеется, в животноводстве.

Будет создан искусственный интеллект – во всяком случае, нечто, от такового неотличимое.

Может быть, будет обнаружена внеземная жизнь, а может быть, даже будет разрешен основной парадокс ксенологии.

Может быть, будут сделаны первые шаги в области Высокой Теории Воспитания и появятся первые Учителя с большой буквы, умеющие выращивать из человеческого детеныша Человека Воспитанного.

И уж наверняка будут написаны блистательные романы, о которых мы сегодня совершенно ничего не можем сказать – мы даже не в состоянии их себе представить...

Жить будет упоительно интересно и замечательно, как упоительно и прекрасно было, между прочим, жить и в XX веке – каждому, кто мало-мальски сыт, здоров и, разумеется, вообще уцелел. И им, уцелевшим, здоровым и особенно молодым гражданам XXI века, я от души завидую.

...Ничего не сказал о гранулах натуральных ягод. Ладно. Сапиенти сат.

<1999>

Дмитрий Быков

ТД-2011. Орфография как закон природы

Вопрос о том, зачем нужна грамотность, обсуждается широко и пристрастно. Казалось бы, сегодня, когда даже компьютерная программа способна выправить не только орфографию, но и смысл, от среднестатистического россиянина не требуется знания бесчисленных и порой бессмысленных тонкостей родного правописания. Я уж не говорю про запятые, которым не повезло дважды. Сначала, в либеральные девяностые, их ставили где попало или игнорировали вовсе, утверждая, что это авторский знак.

Школьники до сих пор широко пользуются неписанным правилом: «Не знаешь, что ставить, – ставь тире». Не зря его так и называют – «знак отчаяния». Потом, в стабильные нулевые, люди начали испуганно перестраховываться и ставить запятые там, где они вообще не нужны. Правда, вся эта путаница со знаками никак не влияет на смысл сообщения. Зачем же тогда писать грамотно?

Думаю, это нечто вроде тех необходимых условностей, которые заменяют нам специфическое собачье чутье при обнюхивании. Сколько-нибудь развитый собеседник, получив электронное сообщение, идентифицирует автора по тысяче мелочей: почерка, конечно, он не видит, если только послание пришло не в бутылке, но письмо от филолога, содержащее орфографические ошибки, можно стирать, не дочитывая.

Известно, что в конце войны немцы, использовавшие русскую рабочую силу, угрозами вымогали у славянских рабов специальную расписку: «Такой-то обращался со мной замечательно и заслуживает снисхождения». Солдаты-освободители, заняв один из пригородов Берлина, прочли гордо предъявленное хозяином письмо с десятком грубейших ошибок, подписанное студенткой Московского университета. Степень искренности автора стала им очевидна сразу, и обыватель-рабовладелец поплатился за свою подлую предусмотрительность.

У нас сегодня почти нет шансов быстро понять, кто перед нами: способы маскировки хитры и многочисленны. Можно симитировать ум, коммуникабельность, даже, пожалуй, интеллигентность. Невозможно сыграть только грамотность – утонченную форму вежливости, последний опознавательный знак смиренных и памятливых людей, чтущих законы языка как высшую форму законов природы.

Пропавшая грамота

Статья

Думая о русской орфографии, прежде всего преходит мысль о том што она усложнена. Это во многом прослабило рускую государственность. Читатель слишком много времени тратит на чтение книг и изучение правил, а так же заучивание стихов, а если-бы он посвятил это время совсем не такому бесполезному делу, то мы давно бы уже жыли как люди.

Ведь всё понятно, правда? Даже веселей так читать.

Реформа русской орфографии, о необходимости которой так много говорили сначала при Хрущёве, а потом в девяностые, совершилась. При этом законодательно она пока никак не оформлена. Орфография начинает постепенно упраздняться сама собою. Она размывается. Ее уже почти не видно.

Любая газета пестрит ошибками на «тсЯ – тьсЯ», «н – нн», на слитное и раздельное написание «не» с прилагательными и наречиями. Присоединение деепричастного оборота к безличным конструкциям («Глядя на эту картину, думается, что...») давно сделалось нормой. С деепричастиями вообще творится нечто катастрофическое: в Интернете полно примеров похлеще, чем хрестоматийное *«Подъезжая к сией станции и глядя на природу, у меня слетела шляпа»*. *«Наблюдая за прыжком, у вас возникнет вопрос»* – это бы ладно, это спортивные комментаторы, которых называют прапорщиками телевидения. Но ведь и Николай Николаев говорил: *«Посулив ему пятьдесят тысяч, договоренность была достигнута»*. Деепричастный оборот стал вырастать откуда угодно – вообразите хвост, который вдруг свисает не с коровьей задницы, а, допустим, с носа. С пунктуацией творится что-то невообразимое: обособляются даже такие невинные наречия, как «вчера». «Тем не менее» или «вообще» – это уж обязательно. Любое обстоятельство образа действия уже рассматривается как вводное слово. Иногда обособляют для страховки даже причастный оборот, стоящий перед определяемым словом. Эта пунктуационная избыточность – черта нового времени, позднепутинского: при Ельцине запятые игнорировали вообще, свобода! Теперь их ставят везде, где надо и не надо: страхуются от гнева незримого начальства. *«Выходящая по вторникам, передача имеет традиционно высокий рейтинг»*. Люди помнят, что препозитивный причастный оборот иногда обособляется – когда имеет значение причинности, объясняет предложение: *«Многое повидавший, постраствовавший, передумавший, поэт не питал особенных иллюзий насчет Отечества»*. Но здесь случай не тот – здесь стараются наставить как можно больше запятых, чтобы уж никто не подкапался. Это же касается страшной русской коллизии «н – нн»: в порядке перестраховки предпочитают во всех случаях удваивать это несчастное «н» в страдательных и даже кратких причастиях. Раненный. Кованный. Без приставки, без зависимого слова – не важно: на всякий пожарный. В нескольких сочинениях мне уже встретилось *«воспитанн»* и *«прочитанн»*. И так во всем.

Орфография, ситуация с грамотностью в обществе – лучшее зеркало истинного состояния страны. Еще Достоевский предсказывал, что с упразднением ятей и еров всё пойдет к черту – об этом, кстати, он говорит в романе Алданова «Истоки», появляясь там единственный раз в качестве героя. С упрощения русской орфографии началась послереволюционная культурная деградация; революции и оттепели вообще часто приносят с собой упрощения – и потому при Хрущёве мы чуть не получили написание *«заец»*, максимально приближенное к фонетическому. Во времена закрепощений орфография соблюдается особенно строго, за ошибку в газете с работы снимают, но следят за ее соблюдением люди глубоко некультурные, репрессивного склада – поэтому усвоение законов языка носит характер поверхностный и насильственный. Сегодня у нас идет процесс смешанный: с одной стороны, закрепощение – отсюда бесконечные перестраховки. Получение любой справки, пропуска или интервью обрастает тысячей

ненужных запятых – как и официальная речь. С другой стороны, предыдущее двадцатилетие расслабухи и триумфального невежества привело к тому, что культурная преемственность утрачена. Дети продолжают изучать в школах русскую литературу, но уже не понимают, зачем это надо. Им успели внушить, что знания – не залог совершенствования личности, но способ получить диплом или откосить от армии; а для жизни будет лучше, если ты быстрее забудешь все, чему учился. Поэтому в газетах все чаще встречаются переносы вроде «*вс-кинулся*» или «*окончани-я*».

«Хлестаков заводит шаржени с женой городничего». «Из-под стола вылезла помесь дворянки с таксой, спавшая на стручках». «Коробочка разводит птиц и разных домашних утварей». «Население духовно деградируется». «Лирический герой Есенина вместе со своим автором превращается в рьяного фаната революции». «В высших кругах Петербурга царят беззаконие и беспредел» (о «Петербургских повестях» Гоголя, не подумайте плохого). «Фирс не мыслит себя вне барина». «Татьяна для окружающих как открытая дверь, в которую может войти каждый».

Бог с ними, с двусмысленностями и эротическими коннотациями. Дети путают утварь с тварями, шашни с шаржами, понятия не имеют о том, что такое стружки и чем дворянка отличается от дворяжки. Забвение правил – отнюдь не самое страшное: страшен распад языка, в котором половина слов уже незнакома, а другая – помесь жаргонизмов с англицизмами.

Я провел как-то опрос среди студентов – попросил прочитать хоть одно стихотворение наизусть. Некоторые помнили Хармса. Девочки начинали декламировать «Письмо Татьяны» и сбивались на десятой строчке. Кое-кто пытался хитрить, читая в качестве стихотворений тексты песен БГ и «Умыгурман», но я решительно пресек жульничество. Почти все помнят по пять-шесть строчек из школьной программы, но это именно обрывки, обмылки, плавающие в вязкой среде современного подросткового сознания. Та же ситуация с орфографическими правилами: все помнят, что «не» с прилагательными пишется вместе в каких-то определенных случаях, но в каких – толком не помнит уже никто. А уж классификацию союзов вспоминают только самые продвинутые – да и перечислить части речи, общим числом десять, могут далеко не все. Почему-то обязательно забывают местоимение и междометие, да вдобавок путают их.

Чтобы разобраться, зачем нужна орфография, я написал когда-то целую книгу, но одно дело – разбираться в перипетиях восемнадцатого года, а другое – сориентироваться в новых реалиях. Я до сих пор не уверен, что детям нужно учиться грамоте. Я боюсь посягать на их время и умственную энергию. Я вижу вокруг явное и катастрофическое падение грамотности, но не знаю, хорошо это или плохо. Для меня – плохо, но, может, это потому, что я привык уважать себя за грамотность, а тут вдруг уважать себя стало не за что? Тоже мне добродетель.

В поисках ответа я добрался до любимой кафедры практической стилистики русского языка на журфаке. Когда-то именно преподаватели с этой кафедры были для нас на родном факультете главной отдушиной: русскому языку они учили весело и ненавязчиво, цитаты для примеров подбирали лихие, полузапретные, а всеобщий кумир Дитмар Эльяшевич Розенталь, знавший русский язык лучше всех на свете, говорил на своих лекциях просто: «Если не знаете, как пишется, – “здесь” или “сдесь”, – пишите “тут”. Если, конечно, не додумаетесь написать “туд”».

И на любимой кафедре, где и до сих пор работают мои педагоги, мне объяснили следующее.

Пункт первый. Грамотность в обществе, если судить по сочинениям и по уровню студенческих работ, не у пала, а перераспределилась. Прежде более-менее грамотна была примерно половина населения, а то и две трети. Сегодня совершенно неграмотны процентов семьдесят, а как следует умеют писать и говорить – процентов тридцать. То есть вместо среднего уровня появилась резкая поляризация – как, впрочем, и в материальной сфере. «Средний класс» в смысле орфографическом отсутствует так же, как и в имущественном. Причем самые без-

грамотные дети, как свидетельствуют репетиторы, – дети высокопоставленных и просто богатых родителей: их сведения о русской реальности стремятся к нулю, поскольку большую часть времени они проводят либо за границей, либо за заборами элитных коттеджных поселков. А не зная жизни своей страны – нельзя знать и ее язык: половина понятий остается для тебя абстракцией. Стручки со стружками перепутал именно сын крупного олигарха. Он никогда не имел дела со стружками.

Пункт второй. Никакой врожденной грамотности не существует, это миф, а сама по себе грамотность формируется тремя факторами. Первый – зрительная память (человек много читает и запоминает образ слова). Второй – механическая память (рука запоминает, как слово пишется). И третий – знание правил, но это уж для сложных случаев, когда глаз и рука спорят или сомневаются. У людей быстроумных все виды памяти срабатывают механически, они не отдают себе отчета в этом и полагают, что правильно пишут с рождения. Тогда как наследуется только хорошая зрительная память (механическая – приобретается): вот почему так грамотны учительские дети... и дети разведчиков.

Так вот, вторая и главная составляющая – механическая память руки – сегодня решительно потеснена: компьютер, которым большинство детей владеет с детства, не предполагает начертания слова. Ударяя по клавишам, школьник не запомнит, как пишется слово «престижитатор». Только долго и тщательно выводя его рукой, вы запомните все изгибы этих «е» и «и», «т» и «д». Кроме того, компьютер сам хорошо умеет исправлять орфографические ошибки – в большинстве текстовых редакторов эта функция осуществляется автоматически. Пользователю не обязательно задумываться – в результате об истинном уровне собеседника можно судить только по его электронным письмам. Один из моих сравнительно молодых начальников умудрялся писать довольно грамотные статьи, но, заказывая мне тексты, присылал почту с такими ляпами, что я поначалу принимал это за утонченную шутку.

Пункт третий. «Безграмотность – плата за свободу», как сформулировала однажды Евгения Николаевна Вигилианская, автор лучшего на моей памяти учебника русского языка для абитуриентов. Раньше между автором и читателем стояла сплоченная армия научных редакторов, консультантов и корректоров. Иногда эти персонажи вторгались не в свою область, коржелили стиль, лезли в авторское мировоззрение. Но когда они занимались своим делом – польза от них была огромная и несомненная. Сегодняшняя редакция чаще всего не может себе позволить содержать корректора. Все мы достаточно натерпелись от дотошности службы проверки, все пикировались с корректурой – но оказаться без присмотра этой придиричивой публики оказалось еще страшней, чем внезапно лишиться патронажа советской власти.

Даже в речениях и публикациях руководителей государства периодически встречаются конструкции «предпринять меры» (тогда как их надо принимать), «озвучить предложения» (тогда как озвучивают фильм, а предложения обнародуют или излагают вслух), «обсуждали о том, что» (ну, здесь понятно). О всяких «составляет из себя», «выливается на общество» и «тех, кому зависят» я уж и не говорю: с управлением в русском языке вообще полная беда. «И не только в языке», как объяснили мне всё на той же кафедре. Кризис управления в равной степени коснулся языка страны и ее государственной системы: служебные части речи, как чиновники, стоят не на своих местах. Их тоже слишком много, они бюрократически избыточны: «понимать о том», «обсуждать об этом», «период, о котором вы указываете», «означает о том», «заметил о том» – это всё из речи первых лиц государства. Есть и еще одна проблема: в русском языке существуют так называемые глаголы сильного управления, обязательно требующие дополнения. В речи большинства государственных людей или бизнесменов они постоянно употребляются без существительных: мы договоримся (о чем?!), проплатим (что?), разберемся (в чем?). Мы озвучим, разрулим, выскажем. Что – не уточняется. Потому что всё это – суэта вокруг пустоты, утрата объекта, конец материи. Власть, обслуживающая сама себя. И орфография – истинное зеркало ее компетентности и тайная проговорка о задачах: по любви-

тому толстовскому выражению, делать нечего. Это, подчеркивал Толстой, гораздо хуже, чем ничего не делать.

Хорошо, скажет иной читатель. А как же – «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю?». Как же – авторская речь, которую не рекомендуется приглаживать и зализывать? Как же авторские знаки препинания и особенности словоупотребления? Разумеется, всё это есть; но, во-первых, мы не о художественных текстах сейчас говорим. А во-вторых, Пушкин, выходит, должен был не любить собственную русскую речь – идеально правильную, с минимумом галлицизмов, с безупречно точным словоупотреблением.

Орфография не то чтобы помогает нам понимать друг друга – в конце концов, безграмотный текст всегда можно понять, и даже упразднение «и десятиричного» не привело к тому, что *миръ* как отсутствие войны и *миръ* как вселенная перепутались в русском сознании. Орфография дает нам представление об уровне собеседника, о его (и нашей общей) способности воспринимать тонкие и сложные материи.

У Кубрика в «Космической Одиссее» есть потрясающий эпизод – постепенное отключение компьютера. Огромная машина теряет рассудок, повторяется, вырождается на глазах – это отключается один блок памяти за другим. Нечто подобное происходит и с обществом, освобождающимся от условностей, поскольку только условности и имеют смысл. Сначала, как показывает практика, отмирают самые тонкие функции – правописание «не» с прилагательными и причастиями: например, слово «вовсе» – в конструкциях типа «вовсе не законченная работа» – предполагают раздельное написание, но это правило игнорируется почти всеми. Это совсем не умышленная, вовсе не преднамеренная деградация – просто так получается... Следующей жертвой оказывается несчастное удвоенное «н» – оно зависит от приставки и зависимого слова. Все читанные книги и преподаваемые уроки не помогают. Приходит черед пунктуации – тут первым сдается двоеточие после обобщающего слова при однородных членах. Все эти однородные члены: прилагательные, существительные, причастия – начинают перечисляться без двоеточий и тире, просто через запятую. Наконец, полную деградацию обозначает путаница между «тсся» и «тсья». Впрочем, о чем я? Полная деградация – это когда забывают о необходимости проверять безударную гласную и пишут что-нибудь вроде *«разгарающийся пожар»* – это я взял из так называемого блога, где очевидец описывает парижские события.

Дело не в том, что наша речь неправильна. Правила устанавливают люди, они же властны их поменять – грамотность, в конце концов, не закон всемирного тяготения, она не существует объективно. Дело в том, что наша нынешняя речь не предполагает уважения к собеседнику. То есть мы не хотим, чтобы он уважал нас за грамотность. Пусть уважает за что-то другое – за деньги, например, или за умение поставить этого собеседника на место. Знание орфографии, свободное владение цитатами, связная и богатая речь – перестали быть критериями, по которым оценивается собеседник. И это самое серьезное последствие общественных перемен последнего двадцатилетия. Дело тут, как вы понимаете, не только в нищенской зарплате учителей словесности – а в нищенском статусе словесности как таковой, вне зависимости от госсубсидий.

Впрочем, вышесказанное не универсально. Есть люди, для которых грамотность – по-прежнему нечто вроде пароля, а знание наизусть тысячи стихов – вполне достаточный аргумент, чтобы влюбиться в этого знатока. Только количество этих людей вернулось к уровню, скажем, восемнадцатого века – когда интеллигенция только-только начинала формироваться.

Ну и нормально. Не худший был век. Может, он был еще и получше, чем времена поголовного страха и столь же поголовной грамотности.

<2005>

Захар Прилепин

ТД-2012

Часть 1. А вам не всё равно?

В последнее время часто приходится слышать безапелляционные заявления, например: «Я ничего никому не дол жен». И х повторяет, считая хорошим тоном, немалое количество людей самого разного возраста, в первую очередь молодых. А пожившие и умудрённые еще более циничны в своих суждениях: «Не надо ничего делать, потому что, пока россияне, забыв о завалившемся под лавку величии, тихо пьют, всё идет своим чередом». Неужели мы сегодня стали более инертными и эмоционально пассивными, чем когда-либо? Сейчас это понять непросто, в конечном счете время покажет. Если страна под названием Россия вдруг обнаружит, что она потеряла существенную часть своей территории и значительную долю своего населения, можно будет сказать, что в начале нулевых нам действительно было ни до чего и что в эти годы мы занимались более важными делами, чем сохранение государственности, национальной идентичности и территориальной целостности. Но если страна уцелеет, значит, сетования на безразличие граждан к судьбе Родины были по меньшей мере беспочвенны.

Тем не менее основания для неутешительного прогноза есть. Сплошь и рядом встречаются молодые люди, которые воспринимают себя не как звено в непрерывной цепи поколений, а ни много ни мало как венец творения. Но есть ведь очевидные вещи: сама жизнь и существование земли, по которой мы ходим, возможны лишь потому, что наши предки относились ко всему иначе.

Я вспоминаю своих стариков: как красивы они были и, боже мой, как они были молоды на военных своих фотографиях! И еще как счастливы были, что мы, дети и внуки их, путаемся среди них, тонконогие и загорелые, расцветшие и пережаренные на солнце. Мы же почему-то решили, что предыдущие поколения были нам должны, а мы, как новый подвид особей, ни за что не отвечаем и ни у кого не хотим быть в долгу.

Есть только один способ сохранить данную нам землю и свободу народа – постепенно и настойчиво избавляться от массовых пароксизмов индивидуализма, с тем чтобы публичные высказывания по поводу независимости от прошлого и непричастности к будущему своей Родины стали как минимум признаком дурного тона.

Часть 2. Мне – не всё равно

В последнее время нередко звучат категорические высказывания типа: «Я никому ничего не должен». Их повторяют многие, особенно молодые, которые считают себя венцом творения. Не случайно позиция крайнего индивидуализма – признак едва ли не хорошего тона сегодня. А ведь прежде всего мы существа общественные и живем по законам и традициям социума.

Чаще всего традиционные российские сюжеты бестолковы: там привычно лопнула труба, здесь что-то воспламенилось – и три района остались то ли без тепла, то ли без света, то ли без того и без другого. Никто давно не удивляется, потому что и раньше вроде бы случалось подобное.

Судьба общества напрямую связана с государством как таковым и действиями тех, кто им управляет. Государство может попросить, настоятельно рекомендовать, приказать, в конце концов заставить нас совершить поступок.

Возникает резонный вопрос: кому и что нужно сделать с людьми, чтобы они озаботились не только собственной судьбой, но и чем-то бóльшим?

Сейчас много говорят о пробуждении гражданского самосознания. Кажется, что общество, независимо от чужой воли и приказа сверху, выздоравливает. И в этом процессе, как нас убеждают, главное – «начать с себя». Я лично начал: вкрутил лампочку в подъезде, заплатил налоги, улучшил демографическую ситуацию, обеспечил работой нескольких человек. И что? И где результат? Сдается мне, что, пока я занят малыми делами, кто-то вершит свои, огромные, и вектор приложения сил у нас совершенно разный.

А между тем всё, что есть у нас: от земли, по которой ходим, до идеалов, в которые верим, – результат не «малых дел» и осторожных шагов, а глобальных проектов, огромных свершений, самоотверженного подвижничества. Люди преображаются только тогда, когда со всего размаху врываются в мир. Человек становится человеком в поиске, в подвиге, в труде, а не в мелочном самокопании, выворачивающем душу наизнанку.

Куда лучше для начала изменить мир вокруг себя, потому что хочется наконец большой страны, больших забот о ней, больших результатов, большой земли и неба. Дайте карту с реальным масштабом, чтобы как минимум полглобуса было видно!

Часть 3. И нам не всё равно!

Есть тихое, как зуд, ощущение, что государство на этой земле никому ничего не должно. Может, поэтому в последнее время мы так часто слышим от людей, что и я, мол, никому ничего не должен. И вот я не понимаю: как всем нам здесь выжить и кто станет защищать эту страну, когда она обвалится?

Если всерьез поверить, что Россия исчерпала ресурсы жизнестойкости и будущего у нас нет, то, право слово, может, и переживать не стоит? Причины у нас веские: народ надломлен, все империи рано и ли поздно распадаются и шансов у нас поэтому нет.

Российская история, не спорю, провоцировала подобные декларации. Тем не менее наши предки в эти пораженные скептицизмом благоглупости никогда не верили. Кто решил, что у нас уже нет шансов, а, к примеру, у китайцев их больше чем достаточно? У них ведь тоже многонациональная страна, пережившая революции и войны.

На самом деле мы живем в забавном государстве. Здесь, чтобы реализовать свои элементарные права – иметь крышу над головой и хлеб насущный, нужно исполнить необычайной красоты кульбиты: менять родные места и работы, получать образование, чтобы работать не по специальности, идти по головам, причем желательно на руках. Просто крестьянином, медсестрой, инженером быть нельзя, просто военным – вообще не рекомендуется.

Но при всей, так сказать, «нерентабельности» населения, в России живут десятки миллионов взрослых мужчин и женщин – дееспособных, предприимчивых, инициативных, готовых пахать и сеять, строить и перестраивать, рожать и воспитывать детей. Поэтому добровольное прощание с национальным будущим вовсе не признак здравого рассудка и взвешенных решений, а натуральное предательство. Нельзя сдавать позиции, бросать флаги и бежать куда глаза глядят, даже не сделав попытки защитить свой дом. Это, конечно, фигура речи, навеянная историей и дымом отечества, в котором духовный и культурный подъем, массовое стремление к переустройству всегда были сопряжены с великими потрясениями и войнами. Но венчали их Победы, каких не достичь никому. И мы должны заслужить право быть наследниками этих Побед!

Бабушка, осы, арбуз

Рассказ

Бабушка ела арбуз.
Это было чудесным лакомством августа.

Мы – большая, нежная семья – собирали картошку. Я до сих пор помню этот веселый звук – удар картофелин о дно ведра. Ведра были дырявые, негодные для похода на колодец, им оставалось исполнить последнее и главное предназначение – донести картофельные плоды до пузатых мешков, стоявших у самой кромки огорода.

Картофель ссыпался в мешки уже с тихим, гуркающим, сухим звуком. От мешков пахло пылью и сыростью. Они провели целый год в сарае, скомканные.

Мешки тоже были рваные, но не сильно; иногда из тонко порванной боковины вылуплялась маленькая, легкомысленная картофелинка. Когда мешок поднимали, она выпрыгивала на землю, сразу же зарываясь в мягком черноземе, и больше никто ее не вспоминал.

Было солнечно, но солнечный свет уже был полон августом, его медленным и медовым исходом.

Я всё время ловил себя на мысли, что мне хочется встать и долго смотреть на солнечный диск, будто расставаясь с ним на долгое счастливое плаванье. Наверное, мне просто не хотелось работать.

Подумав, я сказал, что едва ли сбор картошки является мужским делом, но меня не поддержали. Против были: моя мать, моя тетка, мои сестры и даже забежавшая помочь соседка.

Только бабушка вступилась за меня. – А то мужское! – сказала она. – Когда это мужики в земле ковырялись. Это бабьи заботы. Ложись вон на травку, пока мы собираем. Вон какие мешки таскаешь, надорвешься.

Бабушка говорила всё это с неизменной своей милой иронией, – и всё равно бабы закричали на нее, замахали руками, говоря наперебой, что только мужчины и должны рыться в земле, некуда их больше приспособить.

Иные, взрослые мужики между тем не работали. Дед возился во дворе с косами, подтачивая и подбивая их. Отец ушел на базар и обратно, видимо, не торопился. Крестный отец мой – брат отца родного – полеживал возле трактора.

Утром он попытался трактор завести, но что-то неверное сделал механизму, и трактор непоправимо заглох.

Сосед Орхан, беженец с юга, тракторист, проходил час спустя.

Он был добрый человек и вовсе не понимал шуток.

Крестный относился к соседу крайне благодушно и, когда мог, выручал в неприятностях. Разве что стремился при каждом удобном случае Орхана разыграть.

– Орхан, здорво, – поприветствовал крестный проходившего соседа.

– Привет! – сухо сказал Орхан, всегда ожидавший от крестного какой-нибудь выходки.

Крестный изобразил необыкновенную занятость, сделал лицо серьезным и озабоченным:

– Слушай, – сказа л он торопливо. – Бабы торопят – а мне еще свиней надо покормить.

Заведи трактор, Орхан? Заведи-заведи, а я сейчас прибегу.

Орхан не успел ответить, как крестный ушлепал в забубенных тапках во двор. Все, кроме Орхана, сразу заметили, что, сделав круг по двору, крестный припал к тому оконцу в сарае, куда выбрасывают навоз.

Потоптавшись и несмотря на всю нелепость ситуации: чего б веселому соседу не завести свою машину самому, – Орхан полез в трактор. Спустя минуту трактор взревел, зачихал и снова смолк.

Крестный уже успел добежать до огорода с вытаращенными глазами:

– Ты чего там сделал, Орхан? А? Ты тракторист или где?

Орхан сделал еще одну попытку, но на этот раз трактор вообще смолчал.

Орхан испуганно вылез из трактора и сделал вокруг него несколько кругов. Крестный не отставал и всячески стыдил соседа, требуя, чтоб тот немедленно исправил поломку.

– Я ж вчера работал на нем, Орхан! – ругался крестный. – Ты ж видел меня! Что ты там сделал, что он сдох? Давай исправляй!

– У меня обед, а потом опять – работа! – с трудом подбирая русские слова, попытался ускользнуть Орхан, но крестного было уже не отогнать.

– Какая работа? А я что буду делать? Сломал – делай. Это не по-соседски – так поступать, Орхан. У вас на Кавказе разве так поступают с соседями?

Спустя десять минут Орхан лежал под трактором, вздрагивая волосатыми ногами, на которые садились мухи. Крестный расположился неподалеку, покуривал, закинув одну руку за голову.

– Какой ты тракторист, Орхан, – говорил крестный негромко. – Да никакой. Ни черта не умеешь. Завел машину, и сразу сломалась она.

– А? – спрашивал Орхан из-под трактора.

Бабы смеялись. Одна бабушка делала вид, что не понимает, в чем дело.

Здесь пришел мой отец с базара и принес три здоровых арбуза, в каждом из которых можно было, выев мякоть, переплыть небольшой ручей.

О, этот арбузный хруст, раскаленное ледяное нутро, черные семена! Никто не в силах был сдержаться, пока отец кромсал роскошный, всхлипывающий плод.

Наспех закончив свои грядки, бабы сошлись к арбузу и застыли в оцепенении.

Только бабушка ловко собирала картошку, разгребая сильными руками землю. Мать сходила за белым хлебом – арбуз хорошо есть с ароматной мякотью.

– Ба! – позвали сестры бабушку. – Иди уже!

– Иду-иду, – отозвалась она, но сама доделала свою грядку, сходила с ведром к неполному еще мешку и, умело прихватив его края, ссыпала картофель. Всем остальным нужны были помощники в таком нехитром деле: один, скажем, держал мешок, второй пересыпал картошку из ведра – и то иногда картошка падала мимо. А бабушке – нет; она во всем привыкла обходиться одна.

Орхана тоже позвали к арбузу, но он наконец завел трактор и сразу тронулся на работу, так и не заглянув домой. Мать едва нагнала его: сложив в пакет яичек, щедро нарезанной колбасы с хлебом, бутылку с молоком, передала соседу. Я и не заметил, когда она всё это принесла на огород и положила в тень под кусток.

Мы ели арбуз, оглядывая друг друга счастливыми глазами: а как еще можно есть арбуз? Мать расстелила красивую клеенку в красных и черных цветах, бабушка сидела возле на табуретке, отец стоял.

На ледяной запах арбуза слетелись одна за другой осы и кружили над нами, назойливые и опасные.

Первым не выдержал отец. Осы, верно, были единственным, чего он боялся в жизни. Однажды его, пьяного, ужалили, и он, здоровый, под два метра мужичина, потерял сознание.

К вечеру голова его стала огромной и розовой, глаза исчезли в огромных, распухших бровях. Он едва не умер.

– Я лучше пойду покурю, – сказал отец и спрятался за трактор. Осы полетели за ним, но потом вернулись, недовольные железом и дымом.

– Сразу курить, сразу курить, – сказала мать вслед отцу.

Весело отмахиваясь от ос, за отцом пошел крестный. По его лицу я угадал, что мужики сейчас опробуют заначку, наверняка где-нибудь спрятанную в железных закоулках трактора.

Жена крестного внимательно смотрела ему в спину, о чем-то догадываясь. Но тут на ее лицо села оса, и она отвлеклась, и засуетилась, и стала размахивать платком.

Обиженные осами, ругались сестры, перебегая с места на место, и пугалась настырных насекомых мать.

Я старался сохранить достоинство, но у меня тоже получалось плохо. Я сдувал присевших на арбуз ос, осы ненадолго отцеплялись, делали раздраженный круг и почти падали мне на голову.

Одна бабушка сидела недвижимо, медленно поднимала поданный ей красный серп арбуза и, улыбаясь, надкусывала сочное и ломкое. Осы ползали по ее рукам, переползали на лицо, но она не замечала. Осы садились на арбуз, но, когда бабушка откусывала мякоть, они переползали дальше, прямо из-под зубов ее и губ, в последнее мгновение перед укусом.

– Бабушка, у тебя же осы! – смотрел я на нее с восхищением.

– А?

– Осы на тебе!

– Ну так им сладко, – и бабушка смеялась, и вправду только что заметив ос.

– Как же ты не боишься, они же могут укусить?

– Зачем им меня кусать?

Бабушка поднимала красивую руку с ломтем арбуза, по руке переползали две или три осы и еще две сидели на корке, питаюсь стекающей сладостью.

Она откусила арбуз, и еще одна оса, сидевшая на щеке, легко и без обиды взлетела, сделала кружок и осела куда-то в травку, к объединенным коркам. Все разнервничались и быстро разошлись. Бабушка тихо сидела одна.

Утром брошенные арбузные корки смотрятся неряшливо, белая изнанка их становится серой и по ней, вместо ос, ползают мухи.

Так смотрелась вчерашняя моя деревня: будто кто-то вычерпал из нее медовую мякоть августа и остались серость и последние мухи на ней.

Все умерли. Кто не умер, того убили. Кого не убили, тот добил себя сам.

Сестер несколько раз ударило об углы и расшвыряло далеко.

Осталась бабушка, и Орхан с русской женой, которая пила, и за то Орхан ее ежедневно бил.

Огороды, которые, казалось, еще недавно бурлили под землей живым соком, стих ли и обросли неведомой травой. Не громыхала бодрая картошка о дно ведра.

Мы въехали на моей белой «Волге» в деревню, мы двигались в поднятой нами пыли, странные и непривычные здесь, словно на Луне.

Бабушка даже не всплеснула, а вздрогнула усталыми руками, встала нам навстречу, сморгнула слезу, улыбнулась.

Она впервые видела мою жену. Они сразу заговорили как две женщины, а я молчал и трогал стены. – Бабий труд не заметен, – сказала бабушка жене.

«Бабий труд не заметен», – повторил я себе и вышел на улицу с сигаретой.

Вот это построил дед: забор, сарай, крыльцо, дом.

Картины в доме нарисовал отец: на них – дед, дом, луг, сад.

Расколотое на несколько частей, но еще живое бабушкино сердце – вот упорный мужицкий труд.

Не двигаясь и не суетясь в редкие мгновения, когда можно было не двигаться и не суетиться, вкушая малую сладость, она прожила огромную жизнь, оглянувшись на которую не различишь земным взглядом и первого поворота, за которым тысячи иных.

Мы не сумели так жить.

– Баба служит, а мужик в тревоге живет, только прячет свою тревогу, – слышал я тихий бабушкин голос за неприкрытой дверью. – Бабью жизнь мужику не понять, нас никто не пожалет. А нам мужичью колготу не распознать.

– Колготу? – спросила моя жена.

– Колготу, суету, муку, – пояснила бабушка.

– Баба в служенье живет, а мужик в муке... Или только мои такие были, не знаю, – вздохнула она и умолкла.

Мы вышли с женой из дома и спустились к реке. Прошли через едва живой мосток и поднялись на холм. С холма была видна огромная пустота.

«...И солнце болит и держится косо, как вывихнутое плечо...»

Я произнес это вслух.

– Что ты сказал? – спросила жена.

Я смолчал. И она спросила меня снова. И я снова смолчал. Что мне повторять всякую дурь за самим собой.

Жена сидела недвижимо, очарованная и смертно любимая мной.

Подожди, я сломаю и твое сердце.

Мы возвращались, когда начало вечереть, я шел первым, и она торопилась за мной. Я знал, что ей трудно идти быстро, но не останавливался.

У реки я присел на траву. Неподалеку стояла лодка, старая, разохшаяся, мертвая. Она билась о мостки, едва колыхаемая, на истлевшей веревке.

Я опустил руку в воду, и вода струилась сквозь пальцы.

Другой рукой я сжал траву и землю, где лежали мои близкие, которым было так весело, нежно, сладко совсем недавно; и вдруг почувствовал ладонью злой укол и ожог. Дурно выругался, поднес напуганную руку к лицу, ничего не мог понять. Обернулся и взглянул туда, где сжимал землю, – в траве лежала оса, я ее раздавил.

Рука начала вспухать и саднить. В ладони разрасталась нудная боль, словно оса поселилась под кожей и жаждала вырваться, разбухая, истекая под моей кожей горячей, жгучей осиной кровью.

Вернувшись в отчий дом, я заторопился, не допил чай, почти выбежал на улицу, завел машину, хотя бабушка еще разговаривала с моей женой.

Ехал, с неприязнью держась за руль больной рукой, нещадно давил на газ, наматывая черную дорогу.

Ночью приехали, и я сразу упал в кровать. Зажав голову руками, быстро забывшись, я вдруг услышал стук своего сердца, он был торопливый и упрямый. Мне приснилась привязанная лодка, которая билась о мостки. Тук-тук. Ток-ток.

Подожди, скоро отчалим. Скоро поплывем.

<2007>

Дина Рубина

ТД-2013

Часть 1. Евангелие от Интернета

Однажды, много лет назад, я разговорилась со знакомым программистом, и среди прочих реплик помню его фразу о том, что изобретена некая гениальная штука, благодаря которой все знания человечества станут доступны любому субъекту, – Всемирная информационная сеть.

– Это восхитительно, – вежливо отозвалась я, всегда сгущающая на слове «человечество» и ненавидящая слово «индивидуум».

– Представьте, – продолжал он, – что для диссертации о производстве глиняной посуды у этрусков, например, уже не нужно копаться в архивах, а достаточно набрать определенный код, и на экране вашего компьютера появится всё, что требуется для работы.

– А вот это – прекрасно! – воскликнула я.

Он между тем продолжал:

– Перед человечеством открываются неслыханные возможности – в науке, в искусстве, в политике. Каждый сможет донести свое слово до сведения миллионов. В то же время любой человек, – добавил он, – станет гораздо более доступен спецслужбам и не защищен от разного рода злоумышленников, особенно когда возникнут сотни тысяч интернет-сообществ.

– Но это ужасно... – задумалась я.

Прошло много лет, а я отлично помню этот разговор. И сегодня, сменив добрый десяток компьютеров, переписываясь – под аккомпанемент клавиатуры – с сотнями корреспондентов, прогоняя очередной запрос из «Гугла» в «Яндекс» и мысленно благословляя великое изобретение, я так и не могу однозначно ответить себе: Интернет – «прекрасно» это или «ужасно»?

Томас Манн писал: «...Где ты, там и мир – узкий круг, в котором живешь, познаешь и действуешь; остальное – туман...»

Интернет – во благо или во зло – рассеял туман, врубив свои беспощадные прожектора, пронизывающие режущим светом до мельчайшей песчинки страны и континенты, а заодно и хрупкую человеческую душу. И что, кстати, стряслось за последние лет двадцать с этой пресловутой душой, перед которой открылись ослепительные возможности для самовыражения?

Интернет для меня третий перелом в истории человеческой культуры – после появления языка и изобретения книги. В Древней Греции оратора, выступавшего на площади в Афинах, слышали не более двадцати тысяч человек. Это был звуковой предел общения: география языка – это племя. Потом пришла книга, которая расширила круг общения до географии страны. С изобретением Всемирной сети возник новый этап существования человека в пространстве: география Интернета – земной шар!

Часть 2. Опасности райских кущей

Интернет для меня третий перелом в истории человеческой культуры – после появления языка и изобретения книги. В Древней Греции оратора, выступавшего на площади в Афинах, слышали не более двадцати тысяч человек. Это был звуковой предел общения: география языка – это племя. Потом пришла книга, которая расширила круг общения до географии страны.

И вот появилась головокружительная, беспрецедентная возможность мгновенного донесения слова до бесчисленного множества людей. Очередная смена пространств: география Интернета – земной шар. И это очередная революция, а революция всегда быстро ломает, только строит она медленно.

Со временем возникнет новая иерархия человечества, новая гуманная цивилизация. А пока... пока в Интернете доминирует «оборотная сторона» этого грандиозного открытия-прорыва – его разрушительная сила. Не случайно Всемирная сеть становится орудием в руках террористов, хакеров и фанатиков всех мастей. Самый наглядный факт современности: Интернет, который немислимо расширил возможности простого человека для высказывания и действия, лежит в основе нынешнего «восстания масс». Это явление, возникшее еще в первой половине двадцатого века, вызванное вульгаризацией культуры – материальной и духовной, – породило и коммунизм, и нацизм. Сегодня он обращен к «массовому» в любом человеке, питается от него и удовлетворяет его во всех отношениях – от языкового до политического и потребительского, ибо невероятно приблизил к народу желанные «хлеб и зрелища», включая самые низкие. Этот наперсник, проповедник и исповедник толп превращает в «шум» всё, к чему прикасается, чему дает жизнь; плодит пошлость, невежество и агрессию, давая им неслышанный, завораживающий выход не просто наружу, а на весь мир. Опаснее всего, что это игривое и очень смышленное дитя новой цивилизации уничтожает критерии – духовные, нравственные и поведенческие коды существования человеческого общества. Что поделать, в интернет-пространстве все равны в самом площадном смысле этого слова. И я думаю: не слишком ли высокую цену мы платим за прекрасную возможность поговорить с далеким другом, прочесть редкую книгу, увидеть гениальную картину и услышать великую оперу? Не чересчур ли рано сделано это грандиозное открытие? Иными словами, доросло ли человечество до самого себя?

Часть 3. Зло во благо или благо во зло?

Вопросы, относящиеся к могущественному Интернету, вполне можно назвать экзистенциальными, как и вопрос о том, что мы делаем в этом мире.

Нет такого прибора, который мог бы определить явную пользу и столь же явное зло, что приносят нам все великие изобретения, как нет и возможности отделить одно от другого.

– Я бы не спешил слишком остро критиковать Интернет за все грехи человечества, – возразил мой друг, известный физик, давно живущий в Париже (кстати, мы познакомились с ним через Интернет). – С моей точки зрения, это замечательная вещь хотя бы потому, что талантливые и умные люди получили возможность общаться, объединяясь и тем самым способствуя великим открытиям новейшего времени. Подумайте, например, о полярниках в Антарктиде: разве интернет-коммуникация для них не великое благо? А плебс так и останется плебсом, с Интернетом или без. В свое время монстры покроя Гитлера или Муссолини при наличии лишь радио и прессы ухитрялись убийственно воздействовать на массы. Да и книга всегда была весьма сильным орудием: на бумаге можно печатать поэзию Шекспира и прозу Чехова, а можно пособия по терроризму и призывы к погромам – бумага стерпит всё, как и Интернет. Это изобретение само по себе не относится к категориям добра или зла, так же как огонь, динамит, алкоголь, нитраты или ядерная энергия. Всё зависит от того, кто им пользуется. Это настолько очевидно, что даже скучно обсуждать. Напишите лучше о том, – добавил профессор, – как трудно в наш век стать взрослым, как целые поколения обречены на вечную и необратимую незрелость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.